

РАБОТА Г. Е. ЗИНОВЬЕВА
«УЧЕНИЕ МАРКСА И ЛЕНИНА О ВОЙНЕ» (1929)
И ДЕБАТЫ О БУДУЩЕМ
СОВЕТСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА¹

В статье рассмотрены взгляды одного из крупнейших идеологов ВКП(б), лидера Коминтерна Г. Е. Зиновьева, изложенные им в работе «Учение Маркса и Ленина о войне» (1929). Автор показывает, что идеи Зиновьева представляют собой компромисс между концепцией «социализма в отдельной стране» и курсом на мировую революцию, способную избавить СССР от угрозы интервенции. Показано, что идеи Зиновьева и, шире, идеи о войне большевистских лидеров вообще не могут рассматриваться в контексте антитезы «ленинский интернационализм» / «сталинский прагматизм», характерной для исследований по истории довоенного СССР.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин, марксизм, война, Коминтерн, революция.

Тема войны была для советского социального проекта с самого начала одной из главных. Вопрос, занимавший ведущих теоретиков большевистской партии в 1920-х гг., можно с известным упрощением сформулировать таким образом: на что может рассчитывать первое в мире государство рабочих и крестьян, находящееся в капиталистическом (читай: враждебном) окружении с учетом того, что мировой революции как факта пока еще нет?

Вокруг этого вопроса развернулась бурная дискуссия, в конечном счете раздробившая партию на несколько группировок. Один из ответов на него предполагал ожидание мировой революции. Слаборазвитая Россия даже под властью диктатуры пролетариата не способна будет осуществить социалистический проект, особенно если учесть постоянное экономическое и военное давление извне. Альтернатива этому – возобладавшая в партии концепция

---

¹ Данная работа выполнена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования».

«построения социализма в отдельно взятой стране», которую наиболее деятельно обосновывал в своих работах 1920-х гг. Н. И. Бухарин [см.: Коэн, с. 248–253], – предполагала, кроме прочего, что возможен некий механизм, который позволит стране Советов выжить в капиталистическом окружении даже при отсутствии мировой революции. Помимо многочисленных экономических и социальных вопросов, на которые теоретикам этого направления приходилось искать ответы, принципиально важным оставался вопрос о войне.

Неизбежность новых глобальных конфликтов была для большевистской партии своеобразной идейной конвенцией, которую разделяли все течения и фракции внутри ВКП(б). Все большевистские лидеры – будь то Троцкий, Бухарин, Зиновьев или Сталин – сходились в том, что капитализм с неизбежностью порождает войну и будет ее порождать, откуда мировая революция его не сметет; войну можно только оттянуть, но не предотвратить – таким было это общее место большевистской социальной теории. Логичной выглядела идея теоретиков оппозиции о том, что единственным выходом из этого порочного круга является приближение мировой революции: не будет ее – обречено и социалистическое строительство в СССР. А как на этот аргумент могли ответить теоретики социализма в отдельно взятой стране?

Мы предлагаем рассмотреть этот вопрос на примере работы Г. Е. Зиновьева «Учение Маркса и Ленина о войне». Чем примечателен данный труд, выдержавший первое издание в 1929 г. и второе – в 1931 г.? Во-первых, это один из наиболее пространственных текстов, специально посвященных проблемам советского социального проекта и войны, вышедший к тому же из-под пера одного из лидеров партии большевиков (пусть к моменту выхода книги он и был развенчан как оппозиционер). А во-вторых, книга Зиновьева была написана в интересном историческом контексте: она демонстрирует своеобразную попытку при помощи интеллектуального инструментария 1920-х гг. и с опорой на военный опыт большевиков, опыт Первой мировой войны и революции в России дать ответ на поставленный выше вопрос: как можно строить социализм в отдельной стране при постоянной угрозе войны со всем капи-

талистическим миром? Зиновьев, бывший до 1927 г. председателем Коммунистического Интернационала, вполне мог считаться авторитетом в области международных дел. Труд Зиновьева в значительной степени представляет собой обобщение работ Маркса и Ленина, посвященных вопросам войны; тем не менее, его вполне можно считать самостоятельной, оригинальной работой. В предисловии к книге «Учение Маркса и Ленина о войне» сказано, что этот труд продолжает другую большую работу Зиновьева, «Война и кризис социализма» (1915–1917). Однако во введении не сказано, что работа включает в себя и многие из положений, которые Зиновьев развивал в бытность в оппозиции, в частности, в соответствующей главе платформы объединенной оппозиции 1927 г.

I

Зиновьев начинает книгу с утверждения о том, что «марксизм принципиально враждебен пацифизму», это – «воинствующее революционное учение пролетариата, принципиально враждебное мещанским воздыханиям о вечном мире» [Зиновьев, 1931, с. 48]. А в конечном счете, «революция – враг *status quo*». И, конечно же, Зиновьев – вслед за Марксом и Лениным – соглашается с «брутальной правдой» К. Клаузевица: война есть продолжение политики другими средствами, «в политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ – в их зародыше». К тому же внешняя политика неразрывно связана с внутренней.

Капитализм беспрерывно порождает войну. Зиновьев замечает: «Лишь пролетарская революция положит конец войнам. Пока существует капитализм – войны неизбежны» [Там же, с. 58]. Значит ли это, что по своему характеру войны не различаются, что марксистам попросту следовало бы заклеить войну как демонстрацию варварства? Отнюдь нет: Зиновьев большое место отвел в своей книге понятиям об оборонительной и наступательной войне. Оценивать характер войны можно лишь «под углом зрения всего исторического развития», и «возможны случаи, когда оборонительная в историческом смысле война является наступательной в дипломатическом или стратегическом смысле, и обратно». Приме-

ром тому, говорит Зиновьев со ссылкой на Маркса, служат войны революционной Франции, историческое значение которых «заключалось в том, что они должны были защитить завоевание Великой французской революции от соседних монархий, стремившихся восстановить во Франции старый режим» [Зиновьев, 1931, с. 115].

От этих основ марксистского понимания войны Зиновьев переходил к взглядам на войну Ленина. Основной триадой ленинских «теорем» о войне Зиновьев называет пораженчество, идею о превращении империалистической войны в гражданскую и «теорию передышки» (на практике – заключение «похабного» Брестского мира; гибель советских республик в Венгрии, Финляндии, Латвии и Эстонии произошла именно потому, что «в силу сложившихся обстоятельств» они не могли пойти на такую передышку, не могли «уступить в пространстве, чтобы выиграть во времени».

Характер войны определяется конкретной ситуацией, «каждая внешняя война связана с соотношением классовых сил внутри воюющих стран». Принципиально важно, что даже в условиях империализма возможны оборонительные войны (оборонительные в том же смысле, в каком выше было сказано о войнах революционной Франции) со стороны угнетенных национальностей.

Поскольку, как сказано, империализм бесконечно порождает злокачественные, наступательные войны, «ведет человечество к новому циклу войн» [Там же, с. 256], он ускоряет приближение мировой революции – империалистскую войну следует превратить в гражданскую. В условиях империализма революционный класс «не может не желать поражения “своему” правительству». Между тем, «пораженчество “росло” более всего из русской почвы по той простой причине, что, начиная с последней четверти XIX в. и тем более с начала XX в., именно в России все больше нарастала объективно-революционная ситуация» [Зиновьев, 1931, с. 178].

А вот после своей победы пролетариату придется вести революционные войны. Этот тезис Зиновьев развивает следующим образом: «Нельзя смешивать наше нынешнее отношение к войне, которая могла бы затронуть СССР, с войнами, о которых шла речь в эпоху Маркса и Энгельса. Теперь, конечно, каждый марксист

будет против любой войны, которая была бы направлена против СССР прямо или косвенно, которая угрожала бы интересам первого пролетарского государства. Теперь есть “мы” и “они”, наше пролетарское государство и “ихние” государства буржуазии» [Зиновьев, 1931, с. 89]. По отношению к СССР пораженцем быть нельзя: «с 25 октября 1917 г. мы – оборонцы. С этого дня русский пролетариат имеет свое отечество – социалистическое отечество. Но с этого же дня Советская Россия стала отечеством всего международного пролетариата. С тем большей силой должны будут выдвигать лозунг пораженчества рабочие всех капиталистических стран в грядущих войнах» [Там же, с. 179]. Суммируем: согласно Зиновьеву, марксисты не могут попросту заклеить войну, они должны различать прогрессивные и реакционные войны, отсюда логически вытекает, что войны СССР, первого пролетарского государства – прогрессивные войны, и по отношению к ним необходим оборонческий, а не пораженческий подход.

«Коммунисты ставят главную ставку на новые пролетарские революции, которые должны предотвратить новые империалистские войны. Но это нисколько не исключает, разумеется, того, что новые войны – если они не будут предотвращены новыми пролетарскими революциями – ускорят пролетарские революции, кои зреют во всем мире» [Там же, с. 210]. Конечно, вначале СССР должен постараться предотвратить войну с помощью Коминтерна и глубоких экономических преобразований в самом СССР, отодвинуть начало войны как можно дальше, ведь «чем позже империализм обрушит на нас войну, тем более крепкими окажемся мы, как СССР, и весь мировой пролетариат вместе с нами». С другой стороны, мировая война будет неизбежной, если только ее не упредит европейская революция; политика предотвращения войны облегчит последующее превращение мировой войны в гражданскую. Итак, «сначала – попытка предотвращения империалистской войны; если же она, вопреки нашим усилиям, возникнет, тогда – превращение ее в гражданскую войну» [Зиновьев, 1931, с. 210–211].

Зиновьев по-прежнему считал Коминтерн наиболее важным инструментом предотвращения грядущей войны, посвятив ему отдельную главу своего трактата. Отсюда и его филиппики в адрес

европейской социал-демократии, которым посвящены завершающие главы книги: «Коммунизм неизбежно победит в Европе и во всем мире. Одной из важнейших предпосылок ускорения этой победы является правильная оценка социал-демократии. Из всей совокупности обстоятельств вытекает, что социал-демократия есть теперь буржуазная рабочая партия контрреволюции» [Зиновьев, 1931, с. 272]. Социал-демократы стремятся к власти, чтобы тем вернее разжечь пламя новой мировой войны. Отсюда и их враждебность к СССР: «Дело мира не имеет более злостных врагов, чем вожди социал-демократии; дело защиты СССР, отечества международного пролетариата, не имеет более мстительных, разнузданных, оголтелых, готовых на все противников, чем вожди контрреволюционной социал-демократии» [Там же, с. 281].

И главной мишенью критики Зиновьева оказывается именно европейская социал-демократия! «Когда будущий историк освободительного движения пролетариата будет писать историю победившей мировой социалистической революции, он скажет: к моменту окончания первой всемирной империалистической войны все объективные предпосылки для победы пролетариата, для низвержения капитализма были налицо; но социал-демократия, окончательно перейдя на сторону буржуазии, спасла этот строй насилия, грязи и крови на столько-то лет» [Там же, с. 302].

Капитализм быстро шагает от стабилизации к новому туру кризисов и, скорее всего, войн. «Борьба обостряется. Борьба кипит. Успехи социалистического строительства в СССР еще больше разжигают злобу империалистов и злопыхательство с.-д. вождей. Главная демаркационная линия проходит между СССР – страной диктатуры пролетариата – и мировым империализмом» [Там же, с. 313].

В конце своего трактата Зиновьев попробовал сделать своеобразный политический прогноз, очертить контуры грядущей войны. Главным противоречием внутри империалистического лагеря он называет противоречия между США и Великобританией, а меньшими по значению – противоречия Японии и США, Франции и Германии. Вспоминая анализ Ленина (статья «Лучше меньше, да лучше», 1923), Зиновьев указывает на два важнейших изменения в общей картине международного положения по сравнению

с 1923 г.: возрождение Германии в качестве могущественной державы и ослабление освободительного движения в Азии². По ленинскому завету, СССР сумел продержаться до первого столкновения между империалистским Западом и революционным Востоком. Но в этом столкновении революция потерпела поражение, пусть и временное³. А это, отмечает Зиновьев, «есть серьезное изменение в соотношении сил на мировой арене не в нашу пользу».

Итак, глобальная война, согласно Зиновьеву, неизбежна. Тем не менее, СССР может и должен вести социалистическое строительство с надеждой на успех. Для империалистических держав новая мировая война будет протекать примерно так же, как для царской России шла Первая мировая война: стратегией успеха будет пораженческая стратегия, позволяющая превратить империалистическую войну в войну гражданскую. В этой войне пораженцы всего мира будут находиться в более выгодном положении, чем были Ленин и большевики в годы Первой мировой, поскольку им не придется идти на ощупь – они всегда смогут апеллировать к примеру Советского Союза. Следовательно, главным оружием СССР в грядущей войне выступит Коминтерн, который транслирует во внешний мир моральный авторитет пролетарского государства. Оборона СССР в конечном счете – дело пропаганды и примера, а не силы оружия.

---

² В работе «Лучше меньше, да лучше» Ленин заявлял, что западные капиталистические державы завершают свое движение к социализму («не равномерным “вызреванием” в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплуатацией всего Востока»). В то же время угнетаемый Восток «окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения». Сделав вывод о том, что пробуждение Востока гарантирует победу мировой революции, Ленин переходил к соображениям о конкретной тактике Советской России, которая позволит отсталой стране «перейти непосредственно к социализму» [Ленин, с. 405–406]. Эти ленинские выводы вполне можно трактовать как вклад в концепцию построения социализма в отдельной взятой стране.

³ Неудачный опыт Китайской революции был, очевидно, одной из главных проблем для советского руководства конца 1920-х гг. и, скорее всего, стал одним из источников переоценки перспектив мировой революции.

* * *

А что же будет, если империалисты все же сумеют «сманеврировать» и выступят единым фронтом против СССР? Что в этом случае должно делать советское правительство – должно ли оно полагаться на какие-либо иные инструменты, кроме Коминтерна? Сохраняет ли пролетарское государство шансы на победу, если вдруг по тем или иным причинам превратить мировую войну в гражданскую не получится?

Тот факт, что на эти вопросы Зиновьев ответа не дает, весьма красноречив. Труд Зиновьева продолжал старую парадигму идей большевистских теоретиков, которая опиралась на осмысление актуального опыта большевистской партии, прошедшей длинный путь от гонимой горстки маргиналов-пораженцев до правителей огромной страны. В рамках этой парадигмы центральный вопрос о войне – это вопрос о последовательно пораженческой позиции. Да, исход войны зависит от экономической мощи борющихся держав. Но еще большее значение имеет пораженческая позиция пролетариата, превращение империалистической войны в гражданскую, а значит – на практике исход будущего столкновения зависит от Коминтерна, от того, насколько эффективно он, говоря словами Ленина, «отберет» у империалистов их солдат!

Зиновьев, конечно, упоминает и единственную обоснованную оборонческую позицию: безусловное оборончество по отношению к СССР, который стал «отечеством» рабочих всего земного шара. Эта принципиально важная идея была характерна практически для всех течений и группировок большевизма. Зиновьев не забыл здесь упомянуть и «тезис Клемансо», выдвинутый Троцким в пылу партийных дискуссий. Однако при этом Зиновьев – в 1931 г.! – лишь походя упоминает о мудрости советского правительства, и ни разу не называет имени Сталина. Ленинскую «теорию войны» Зиновьев складывает из трех элементов: пораженчество, превращение империалистической войны в гражданскую, теория «передышки». И хотя он упоминает в числе «теорем» Ленина о войне и то соображение, что пролетарское государство «может и должно» в мирных условиях успешно строить социализм и даже «догнать и перегнать»

развитые капиталистические страны, из этого соображения Зиновьев не делает никакого вывода.

Зиновьев, таким образом, был последователен и вовсе не изменял себе. В упомянутой уже работе «Война и кризис социализма» (1915–1917) он писал: «Мы не отвергаем защиту отечества вообще. Мы отвергаем так называемую “защиту отечества” в империалистских, т. е. реакционно-капиталистических, войнах. Но мы и не ограничиваемся указанием на тот бесспорный факт, что данная война, война 1914–1916 гг., есть империалистская война. Мы выставляем основное положение, что в нынешнюю империалистскую эпоху войны между “великими” державами по правилу и не могут быть иными. Это не значит, однако, что мы везде, всегда, при всех случаях и на все времена отвергаем защиту отечества и в империалистскую эпоху». И далее Зиновьев называет два случая, когда, по его мнению, марксисты имеют все основания выдвигать лозунгом «оборону»: «Первый – война победившего в какой-либо стране пролетариата, обороняющего завоеванный социалистический строй против других государств, отстаивающих капиталистический режим. Второй – война Китая, Индии и т. п. стран, служащих объектом угнетения со стороны империализма, за свою независимость, против европейских империалистских правительств» [Зиновьев, 1926, с. 607].

А в проекте платформы объединенной оппозиции 1927 г. (соответствующий раздел готовил именно Зиновьев) отмечалось: «Война империалистов против СССР не только вероятна, но и неизбежна. Отсрочить эту опасность, выиграть как можно больше времени для укрепления СССР и революционного сплочения международного пролетариата должно составлять одну из важнейших практических задач. Предотвратить эту опасность могла бы только победоносная пролетарская революция в решающих странах» [Проект платформы большевиков-ленинцев..., с. 157]. В платформе говорилось о грядущей войне, о том, что необходимо будет превратить ее в войну гражданскую, о пораженчестве пролетариата западных стран по отношению к собственным правительствам, о необходимости радикального разрыва с социал-демократией... Что говорить! В ряде случаев Зиновьев перенес формулировки из платформы

в свою книгу, например, выражение «Мы – оборонцы с 25 октября 1917 года». Исчезли критические фрагменты (например, яростные нападки на политику сталинской группы в Китае), но базовые тезисы остались прежними.

II

Можно ли говорить о различиях между разными группировками большевистской элиты в анализе военного аспекта советского социального проекта? Логичным было бы предположить: да, различия существуют, пролегают по линии отказа от мировой революции и акцента на геополитических интересах СССР.

Делая «политический отчет» ЦК ВКП(б) на XVI съезде партии в 1930 г., Сталин говорил о двух факторах, определяющих международное положение СССР. Первый – это «политика подрыва экономических связей СССР с капиталистическими странами, провокационные наскоки на СССР, явная и скрытая работа по подготовке интервенции против СССР». Второй – это «сочувствие и поддержка СССР со стороны рабочих капиталистических стран, рост экономического и политического могущества СССР, рост обороноспособности СССР, политика мира, неизменно проводимая Советской властью» [Сталин. Политический отчет..., с. 257]. Как видим, еще в 1930 г. в своих аргументах Сталин ставил пораженчество рабочих империалистических стран *перед* военно-экономической мощью страны Советов. Больше того: даже и анализ контуров грядущей войны Сталин выстроил точно в той же последовательности и логике, что Зиновьев: англо-американские противоречия – основные, затем японо-американские, франко-германские и пр.

А на XII пленуме ИККИ в 1933 г. С. Носака (Окано), представитель японской компартии, в завершающем мероприятии докладе «О дальневосточной войне и о задачах коммунистов в борьбе против империалистической войны и военной интервенции против СССР» отмечал, что война теперь принимает своего рода гибридные формы. Послать солдат на войну не так легко, и империалистам приходится делать вид, будто никакой войны нет: «Дело объясняется тем, что в настоящее время мы имеем совершенно

другую обстановку, чем в 1914 г.: существует страна социализма; каждая империалистическая страна хочет, чтобы воевали другие страны; существуют компартии и Коммунистический Интернационал; опасность превращения империалистической войны в гражданскую войну увеличилась; трудящееся население империалистических стран теперь более отрицательно относится к войне; люди знают, что такое война, и не так легко еще раз послать их на фронт; война ведется без объявления войны» [Двенадцатый пленум ИККИ, с. 14].

Еще в 1927 г. в речи на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) «Международное положение и оборона СССР» Сталин задавался вопросом о том, «промотал» ли Советский Союз свой «моральный капитал» за рубежом. Генеральный секретарь партии придерживался в целом общепринятой для ВКП(б) на тот момент концепции будущей войны: война неизбежна, основное оружие СССР – его колоссальный моральный авторитет. Больше того – Сталин упрекал Зиновьева в том, что Зиновьев (в статье «Контуры будущей войны»⁴, которую Сталин раскритиковал) недостаточно четко говорит о неизбежности нового глобального конфликта.

Был, однако, в этой речи один момент, который указывал на то, каким образом взгляды сталинской группы на войну будут развиваться в последующие годы. В своей речи Сталин в довольно-таки резких выражениях возражал коллеге Зиновьева по оппозиции, Л. Б. Каменеву, уверявшему, что СССР по причине неумелого сталинско-бухаринского руководства Коминтерном промотал-таки свой авторитет: «Что сказать об этой реакционно-либеральной философии? О ней можно сказать лишь то, что ее авторы хотели бы видеть СССР беззубым, безоружным, падающим ниц перед врагами, капитулирующим перед ними. Была “окровавленная” Бельгия⁵, изображение которой то и дело красовалось одно время на этикетках

---

⁴ В письме Сталина В. М. Молотову от 11 июля 1927 г. упоминается эта статья: «Получил статью Зиновьева “Контуры грядущей войны”. Неужели вы напечатаете эту невежественную гнусность? Я решительно против напечатания» [Письма И. В. Сталина..., с. 116].

⁵ Образ, конечно, восходит к знаменитому сборнику стихотворений и публицистики Э. Верхарна «Окровавленная Бельгия», изданному в русском переводе Н. Кончевской и М. Волошина [см.: Верхарн].

папиросных коробок. Почему бы не быть “окровавленному” СССР, – ему бы тогда все сочувствовали, его будут тогда все жалеть. Нет уж, товарищи! Мы с этим не согласны. Пусть лучше убираются ко всем чертям все эти либерально-пацифистские философы с их “сочувствием” к СССР. Было бы у нас сочувствие миллионных масс трудящихся, – остальное приложится. И если уж нужно, чтобы кто-либо стал “окровавленным”, мы приложим все силы к тому, чтобы разбитой в кровь и “окровавленной” оказалась какая-либо буржуазная страна, а не СССР» [Сталин. Международное положение..., с. 46].

Грубоватая метафора Сталина будет позднее повторяться в текстах 1930-х гг., породив целый набор штампов и клише, с помощью которых будет описываться грядущий военный конфликт – конфликт, который по-прежнему считался неизбежным, но в котором теперь ведущую роль должен был сыграть не Коминтерн, проводник советского морального авторитета, а хорошо вооруженная, сплоченная Красная армия, способная «разбить в кровь» потенциального агрессора.

Таким образом, трансформация взглядов большевистского истеблишмента на грядущую войну и на то, какая судьба ожидает в ней Страну Советов, может быть описана следующим образом: в дополнение к идеологическому взгляду на войну как на триумф пораженчества, стимулированного транслируемым через Коминтерн советским авторитетом, был сформирован взгляд на войну как на триумф Красной армии, способной жестоко разбить любого потенциального агрессора. Комбинация двух этих взглядов определяла парадигму мышления советских вождей о войне в 1930-х гг. Основные черты первого из них мы постарались с чрезвычайной краткостью проследить на примере книги «Учение Маркса и Ленина о войне»; поскольку Зиновьев был ведущим теоретиком этого взгляда, его идеи оставались в ходу даже после того, как сам Зиновьев был ошельмован сталинцами и утратил лидерские позиции в партии и Коминтерне. Этот взгляд опирался на опыт пораженчества, которое для большевиков оказалось стратегией успеха. Исход войны в этой парадигме идей решали не генералы и штабы, а восприимчивость трудящихся масс к военной пропаганде, способность

буржуазии мобилизовать и обмануть массы. Если развеять этот дурман – и, в первую очередь, разоблачить ненавистную социал-демократию – империалистическая война превратится в гражданскую; на этом пути и будет обеспечена защита СССР.

Интеллектуальный генезис второго взгляда является отдельным вопросом, заслуживающим глубокого изучения. Но возникновение этого второго взгляда нельзя расценивать как смену революционного идеализма (или догматизма) оппозиционеров-марксистов государственным прагматизмом (или цинизмом) сталинского руководства, как это делает, например, в своей работе М. В. Александров, замечаящий: «За тяжеловесными теоретическими формулами развернулась борьба вокруг одной простой вещи: следует ли России сосредоточиться прежде всего на своем экономическом развитии, делая ставку на собственные силы либо, наоборот, надо сконцентрировать главные усилия на осуществлении мировой революции в надежде на последующую экономическую помощь со стороны победившего на Западе пролетариата» [Александров, с. 48]. Следует согласиться с В. П. Булдаковым, который, говоря о полемике между оппозиционерами и сторонниками «построения социализма в отдельной взятой стране», отмечает: «Как ни парадоксально, наиболее естественно свободу маневра обеспечивали перспективы мировой революции. В ожидании подходящего момента ее приверженцы обретали некоторую тактическую свободу, то есть возможность экспериментировать, не особенно задумываясь о собственно марксистском содержании своих «выжидательных» действий. Напротив, сторонники изолированного построения социализма в СССР рисковали впасть в ксенофобию, затруднявшую принятие рациональных решений» [Булдаков, с. 49].

Различие между двумя этими взглядами не является различием между «идеологией» и «прагматизмом»⁶, поскольку *оба* взгляда представляли своеобразные варианты большевистской идеологии. В одном случае с помощью марксистской идеологии доказывалась близость мировой революции, а в другом – с помощью марксистских

---

⁶ См. характеристику сталинской внешней политики в работе Г. Городецко-го [Городецкий, с. 335–336].

(и не только) идеологических приемов утверждалась непобедимость Красной армии. Больше того, как вытекает из нашего анализа работы Зиновьева, между двумя парадигмами идей о войне и революции не было непреодолимой стены. Скорее, второй взгляд развивался в дополнение к первому и во многом на его интеллектуальной базе. Решающими факторами в его развитии стали, по нашему мнению, не какой-то сверхъестественный «реализм» Сталина и его окружения, а изменения в социальном проекте СССР, происходившие по мере того, как сталинское руководство Союза развертывало свою амбициозную экономическую программу пятилетнего плана.

Двенадцатый пленум ИККИ : стеногр. отчет. М., 1933. Т. 3.

Александров М. В. Внешнеполитическая доктрина Сталина. Canberra, 1995.

Булдаков В. П. Постреволюционная Россия: идеология и управление // Вестн. ТвГУ. 2015. № 3. С. 48–67 (Сер. История).

Верхарн Э. Окровавленная Бельгия. М., 1916.

Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001.

Зиновьев Г. Е. Учение Маркса и Ленина о войне. М. ; Л., 1931.

Зиновьев Г. Е. Сочинения. Т. 8: Война и кризис социализма. Л., 1926.

Коэн С. Бухарин. Политическая биография, 1888–1938. М., 1988.

Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 45. С. 389–406.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936 гг. М., 1996.

Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б) // Арх. Троцкого : Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. М., 1990. С. 109–175.

Сталин И. В. Международное положение и оборона СССР : Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) // Сталин И. В. Соч. М., 1949. Т. 10. С. 3–59.

Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) // Сталин И. В. Соч. М., 1949. Т. 12. С. 235–373.